

Су Мо, не зная, смеяться ей или плакать, отчитала студентов, которые, казалось, только и ждали, чтобы устроить беспорядок, а затем успокоила их, сказав, что достаточно двух человек от каждого клуба, чтобы помочь.

Эти две девушки оказались счастливицами из театрального клуба, но они провели весь день за кулисами, так и не дождавшись того, кого хотели увидеть, и в итоге, с кислыми лицами, продолжали работать, разговаривая между собой.

На самом деле Су Мо, заранее зная о такой ситуации, организовала последние репетиции для главных актёров спектакля в другом месте.

Бай Сяоси, игравшая короля, Шао Цихань в роли Золушки, Мужун Цзю — Ариэль, Су Хуай — Белого принца и сама Су Мо, которая не только режиссировала, но и играла фею, — все они после почти двух недель репетиций наконец готовились выйти на сцену для финального выступления. Однако перед этим им предстояла генеральная репетиция.

Поскольку трое из пяти актёров были самыми заметными студентами Академии Иветт за последние годы, а также тремя восходящими звёздами высшего общества, этот спектакль был поставлен на предпоследнем месте в программе праздничного вечера, что делало его кульминацией мероприятия. Для сохранения интриги были приняты строгие меры безопасности, и актёры не участвовали в репетициях вечера.

Но чтобы ведущие могли плавно переходить между номерами, а актёры привыкли к сцене, пятеро в полном гриме и костюмах вышли из своей гримёрки за кулисы для репетиции.

Две девушки всё ещё хмурились, как вдруг увидели, как из боковой двери за кулисами вошли пятеро.

Впереди шла Су Мо, одетая в безрукавное льняное платье в пол, с аккуратно уложенными короткими волосами, украшенными венком из веточек с белыми цветами. За ней следовали Бай Сяоси и Су Хуай. Бай Сяоси держала в одной руке скипетр и корону, а в другой — длинную красную мантию, почти касающуюся пола. На ней был рыжий парик, золотая вышитая красная мантия, чёрные бриджи и сапоги. Су Хуай, в свою очередь, была в золотом парике, синем платье с белыми кружевными воротничками, с красной и золотой лентой через плечо, в бриджах и сапогах, с серебряным мечом на боку.

Эти три женщины, не говоря уже о Су Мо, естественно, выглядели величественно и грациозно, но Бай Сяоси и Су Хуай, благодаря искусству гримёра, с их ярким макияжем, при обычном освещении казались немного пугающими, однако издали выглядели мужественно и привлекательно, а их костюмы делали их практически неотличимыми от мужчин.

А вот последние двое, которых все девушки так ждали, — господин Хань и господин Цзю, — затмили всех троих.

Если Бай и Су в мужских ролях выглядели нейтрально-мужественно, то эти двое излучали странность и абсурдность, вызывая смех.

Мужун Цзю ещё куда ни шло. Его черты лица были мягкими и красивыми, с оттенком андрогинности, и рыжий парик с локонами, ниспадающими на грудь и спину, дополненный головным убором из разноцветных морских звёзд, ракушек и водорослей, а также умелый макияж делали его похожим на настоящую красавицу. Правда, эта красавица, облачённая в длинное платье с широкими рукавами, чередующимися тёмно-синим и светло-синим, была немного слишком высокой.

Но по сравнению с ещё более высоким Шао Циханем это было просто ничто. Поскольку он играл Золушку, причём Золушку в её раннем, «замарашке» периоде, на нём был рыжий парик с растрёпанными локонами, серое платье до колен, покрытое разноцветными заплатками, чёрные перчатки, испачканные пылью, грязные серые чулки и разбитые туфли, которые вот-вот развалятся.

Две девушки смотрели на них с оцепенением, пока они быстро проходили через захламлённый кулисы, и лишь через некоторое время пришли в себя, обменявшись взглядами и одновременно прошептав с ужасом:

— Господин Хань, до чего же его довели!

Лэнгстон сидел, закинув ногу на ногу, и, видимо, не особо интересуясь происходящим на сцене, небрежно разговаривал с человеком в золотой оправе очков и с аккуратной причёской.

— Чжай, ты действительно не переживаешь за своего брата?

Услышав этот вопрос, заданный с едва уловимой ноткой иронии, мужчина, которого Лэнгстон назвал Чжаем, лишь сосредоточенно наблюдал за танцевальным номером, даже не удостоив его взглядом.

— Хм... — Лэнгстон усмехнулся. — По-моему, Шао Цихань — не из тех, кто сдаётся без боя.

Услышав это, мужчина наконец посмотрел на него и холодно ответил:

— Лэнгстон, похоже, у тебя слишком много свободного времени.

— Я просто забочусь о тебе, — с ноткой жалобы в голосе Лэнгстон откинулся на спинку бархатного кресла. — У вас же есть поговорка: «Разве можно позволить кому-то спать рядом с твоей кроватью?»

— Это мой брат, а не «кто-то», — слегка нахмурившись, мужчина с ледяным выражением лица выразил недовольство.

Лэнгстон пожал плечами.

— Тогда посмотри на моих братьев. Разве они считают меня своим? Чжай, мы дружим много лет, неужели ты не знаешь, как у меня обстоят дела?

Мужчина не ответил, и Лэнгстон, поняв, что продолжать бессмысленно, замолчал.

Этот величественный мужчина был старшим братом Шао Цихана, главой семьи Шао — Шао Цичжаем.

Шао Цичжай и Лэнгстон сидели в первом ряду большого зала Королевской частной академии Иветт, наблюдая за праздничным вечером. Уже многие начали украдкой поглядывать на них, и некоторые задавались вопросом, кто этот светловолосый мужчина, так близко общающийся с Шао Цичжаем, и даже пытались подслушать их разговор.

Однако их диалог был настолько тихим, что никто третий не мог услышать ни слова. Окружающие видели лишь, как они шевелят губами, обмениваясь парой фраз, а затем снова сосредотачиваются на выступлении.

Именно в этот момент ведущие, перебивая друг друга, начали хвалить предыдущий номер, затем пошутили друг с другом и, наконец, с таинственным видом объявили название следующего.

Шао Цичжай слегка выпрямился, сосредоточившись на затемнённой сцене.

Лэнгстон, видя это, улыбнулся с едва уловимой хитринкой.

В зале погас основной свет, оставив лишь слабый жёлтый свет от боковых ламп. Громкие аплодисменты, последовавшие за объявлением ведущих, стихли, и воцарилась полная тишина.

На тёмной сцене внезапно появился луч света, в котором стоял на коленях человек.

Человек пошевелился, с трудом поднялся на ноги, пошатнулся и наконец встал устойчиво.

Только теперь все смогли разглядеть, что на нём было старое платье, а лицо покрыто пылью и грязью.

— Эта труба уходит в облака, а пепел разлетается повсюду. О, я не могу поверить, что моя мачеха могла потребовать такого от меня.

Медленно подняв голову, он, казалось, смотрел на бесконечную трубу, и когда он заговорил,

зрители поняли, что эту бедную девушку играет мужчина.

Этот низкий, бархатный голос явно принадлежал мужчине.

Студенты на задних рядах начали шептаться. Они заранее знали, что три главных звезды будут участвовать в спектакле, но роли были неизвестны, и никто не ожидал, что будет переодевание. Все вытягивали шеи, пытаясь разглядеть актёра на сцене.

А вот Шао Цичжай и Лэнгстон, сидевшие в первом ряду, видели всё отчётливо. Лэнгстон не удержался и фыркнул, а ледяное выражение лица Шао Цичжая чуть не треснуло.

Никто бы не подумал, что Шао Цихань переоденется в женщину.

Сам Шао Цихань на сцене чувствовал себя смущённым и раздражённым, но после долгой психологической подготовки он спокойно продолжал играть роль несчастной девушки.

Он наклонился, взял из корзины тряпку, сложил её несколько раз и начал «чистить» воображаемую трубу.

<http://bllate.org/book/15114/1335650>